

Независимая газета — 1991 — 12 ноября — С. 7. Кто он — Вараз?

Знаменитый писатель о неизвестном художнике (1965)

Уильям Сароян

Портрет

1 ТРИВАЯ для себя нового живописца, мы обычно жаждем узнать, хорошо ли он владеет кистью; можно ли поставить его рядом с величайшими художниками нашей эпохи; будет ли его картина, купленная в 1965 году за тысячу долларов, в 1975-м стоить десять тысяч; о чем он хочет сказать своими работами; гениален ли он; выдерживает ли сравнение с уникальными мастерами современности — например, Пабло Пикассо, Марком Шагалом, Оскаром Кокошкой и т. д. и т. п. (Есть, конечно, и другие уникальные мастера. В сущности, каждый живописец по-своему уникален. И уникальнее остальных, как правило, те, кому истинная слава и деньги в руки не даются, исключая случаи, не столь уж редкие, когда они женятся на славе и деньгах.)

Вараз — американский живописец, новый живописец (новый для нас, однако уж никак не для себя самого — для себя он достаточно старый, старый, точно холмы Нагри, если можно так выразиться), живописец, по отношению к которому уместны не только эти сакраментальные вопросы, но и чисто личные, скажем: умеет ли он ездить на велосипеде; зарабатывает ли на жизнь самостоятельно; приятен ли в общении; крепок ли во хмелю и т. д. и т. п.

Вараз Самвелян — это его полное имя — прочно осел во Фресно, где приобрел ветхий домик на Сан-Бенито авеню, около О-стрит. Дом и двор он приспособил под мастерскую, в которой можно и совершенствоваться в живописи, и зарабатывать на жизнь — рисовать вывески.

Весной 1964 года я решил заехать во Фресно, а там навещать армянский район, Сан-Бенито авеню, с которой была

когда-то связана моя судьба. Дом 2226, где разворачивается действие моей первой пьесы «В горах мое сердце», давно снесли, и я направил машину вдоль авеню, от М — к Н и О, взглянуть, какие из зданий уцелели. Я ехал на восток и по правую руку, через два квартала от бывшего своего местожительства, увидел какую-то халабуду. Во дворе гордо стояла белая статуя убиенного президента Джона Кеннеди, раз в пять выше человеческого роста. В глубине двора виднелась широкая и приземистая деревянная скульптура, из-за которой выглядывала еще одна, миниатюрная, мраморная, сочетавшая в себе торс, сердце и алфавит, как ни трудно подобное произведение вообразить.

Катя мимо дворика в роскошном дряхлом «Линкольне» 1941 года выпуска, я подумал: «Кому ж во Фресно взбрело в голову ваять этикие скульптуры и выставлять их напоказ у собственной двери?»

Я рассчитывал добраться до гостиницы «Калифорниэн», сложить вещи, вернуться в Сан-Франциско, но, томимый сознанием невыполненного долга, по Вентура авеню свернул на запад, вырлил через М-стрит на Сан-Бенито и вновь устремился на восток, к развалюхе, где вылез, чтоб рассмотреть как следует сперва статую Кеннеди; затем — деревянную скульптуру, напоминающую и волну, и пламя, и цветок, и ветвь, и корень, и камень, но более всего — чистую форму; и затем — мраморную миниатюру. Ползучие сорняки и высокие травы дышали прохладой и свежестью. Подождав, не выйдя ли кто из дома, я уселся на ступеньки крыльца, как полвека тому сиживал на ступеньках собственного. Сидеть там, в окружении живой зелени, было чудесно. В самом углу двора росла старая английская орешина, на той стороне улицы, на пустоши, — неухоженная черная смоковница, а неподалеку от нее, во дворе маленького домика, — прекрасный абрикос, усеянный конопатыми зреющими плодами. Через пару минут из кирпичного дома у пересечения

с М-стрит появился босой, голый до пояса армянин с тремя помидорами в руках. Он спросил (по-английски): «Помидоры любите?» Я ответил (по-армянски): «Да, огромное спасибо, а кто все это сделал?»

— Вараз. А я — Маркар. Также из Еревана. Девять лет работал в Детройте на заводах Форда. А до того — в Штутгарте, Мюнхене и Гамбурге, зато теперь живу в этом вот доме из красного кирпича с Варазом по соседству.

— А сам он где?

— Вывеску отвозит, вот-вот вернется, никуда не уходите, он пригласит вас к себе и покажет свою новую картину.

— Так он и картины пишет?

— Скоро увидим.

— А вы теперь чем занимаетесь?

— Скопил денег, купил себе дом, в саду работаю, хотите еще помидор?

— Да нет, спасибо, хоть я ни разу не пробовал таких вкусных.

— Берите и этот, у меня их столько, что одному не справиться. А еще кабачков, гибискуса, огурцов, перца, баклажанов, мяты, базилика, петрушки, фига, винограда, абрикосов, персиков, дынь... — И вдруг расхохотался. — Тут армянский район, друг.

Я съел второй помидор.

— А теперь пошли в сад, угощу вас свежей водичкой, во Фресно она почти как в Ереване.

— Местную воду я всегда с удовольствием пил.

— Бывали тут раньше?

— От семи до двенадцати лет жил в двух кварталах отсюда.

Вода была холодной и вкусная, из сада едко тянуло помидорами, сыростью, созреванием, насекомыми, солнцем.

С М-стрит к нам завернул мини-грузовичок, и Маркар немедленно закричал:

— Эй, Вараз, привет, тебя тут дожидаются!

Взвизгнув тормозами, грузовик стал как вкопанный, дверца его распахнулась, и из кабины с улыбкой вылез человек среднего роста и веса, без рубашки, но в туфлях.

— Эй, Маркар, как помидоры

уродились?

— Сочные, что твои картины. — Он кинул помидор Варазу, и тот поймал его, но кусать не стал.

— А вам досталось? — спросил он у меня.

— Даже два.

Тут он съел помидор, мы направились к дому, он открыл входную дверь, и мы вошли. Что ж, его мастерская была не чем иным, как мастерской труженика, хозяин которой и творит, и зарабатывает деньги. На полу лежал огромный лист картона с неоконченной картиной, изображающей колена армянских плясок. На мольберте — другая картина, гораздо меньше, в насыщенных красно-желтых тонах; ее тему я позволю себе определить простым и ясным словом «бытие»...

Так я узнал о существовании художника Вараса. Посмотрим теперь, удастся ли мне ответить на вопросы, поставленные в первом абзаце.

1. В. Хорошо ли он владеет кистью? О. Очень хорошо.

2. В. Можно ли поставить его рядом с величайшими художниками нашей эпохи? О. Его можно поставить чуть-чуть в стороне, в некотором одиночестве, но ни в коем случае не ниже их, если учесть его сравнительную молодость, грядущий успех, неисчерпаемую творческую энергию, трудолюбие, самобытность и напряженный распорядок рабочего дня.

3. В. Будет ли его картина, купленная в 1965 году за тысячу долларов, в 1975-м стоить десять тысяч? О. Будет, и гораздо дороже. Откуда я это знаю? Да оттуда, что художник он плодотворный, но любая его картина, как произведение неповторимое, всякий раз требует для себя нового эквивалента — и деньги тут ни при чем. Ведь истинное искусство со временем лишь выигрывает в своей истинности, деньги же все обесцениваются и обесцениваются. Искусство по самой сути не продажно, но его все-таки покупают, вот где диво-то! Однако каждый художник по-своему преподносит человечеству бескорыстный подарок.

4. В. О чем он хочет сказать своими работами? О. Обо всем — и это я не для красного словца. Напротив. Искусство всегда говорит обо всем — или ни о чем, и это тоже не для красного

Город Фресно в Калифорнии — родина Уильяма Сарояна. Тем не менее местные жители называют «золотом Фресно» другого человека. Человека, известного всей Америке и Европе, но не нашей стране. Художника и скульптора, до сих пор выставившего свои работы в половине стран мира, но не на своей родине. В Москве прошла его первая персональная выставка, во время которой Вараз Самвелян дал свое первое интервью советскому журналисту.

Вараз Самвелян.

ного словца. Настоящее искусство пронизано смыслом — даже материал сам по себе что-то значит; в понятие материала я включаю и солнце, и особенности освещения.

5. В. Гениален ли он? О. Да. Не будучи гениальным, не совершишь того, что он совершил.

6. В. Выдерживает ли он сравнение с уникальными мастерами современности — например, Пабло Пикассо, Марком Шагалом, Оскаром Кокошкой? О. Выдерживает, ибо на теперешнем этапе артистической карьеры он

как раз и сравним с тремя названными художниками и с другими, кто не назван.

От себя добавлю, что созерцание картин Вараса неизменно приводит меня в отличное расположение духа.

Ответы на остальные вопросы: Да, он умеет ездить на велосипеде.

Да, он зарабатывает на жизнь самостоятельно.

Да, он приятен в общении.

Да, он крепок во хмелю.

Перевел с английского Б. К. (Публикуется с сокращениями)